

УДК 94(470.56).083

Д. А. Сафонов**Жандармское управление в провинциальной губернии: реальные направления и методы работы**

Круг полномочий и направлений деятельности любого губернского жандармского управления был изначально определён нормативными документами. Однако в реальности всё определялось возможностями кадрового состава и спецификой региона. В статье предпринята попытка на основании сохранившегося делопроизводства Оренбургского губернского жандармского управления определить, в каких направлениях действовали оренбургские жандармы в действительности.

Ключевые слова: жандармерия, политический сыск, Южный Урал, направления работы.

Согласно «Положению» 1867 г. губернные жандармские управления должны были нести обязанности наблюдательные, содействуя, при необходимости, восстановлению нарушенного порядка, если к таковому они будут призваны местными гражданскими властями. Самостоятельно вмешиваться жандармы могли лишь в тех случаях, если своевременное вмешательство необходимо, а чинов исполнительной полиции на месте нет. Обязанности же по наблюдению регламентировались особыми инструкциями. Так, 14 мая 1867 г. шеф жандармов утвердил секретную инструкцию, где, в частности, говорилось: «...наблюдательный состав корпуса жандармов учреждён для наблюдения за охранением благосостояния и спокойствия всех сословий, чины его обязаны следить за недопущением беспорядков, злоупотреблений и законопротивных поступков», руководствуясь при этом «мерами кротости и убеждения, стараясь всякое зло, если возможно, предотвратить или устранить личным влиянием» [19, с. 162—163]. Инструкция 1868 г. обязывала нижних чинов присутствовать «с наблюдательной целью» на ярмарках, торгах, народных гуляньях и «всякого рода публичных съездах». Особо отмечался вопрос взятки — «ни в коем случае и ни под каким предлогом не принимать ни от кого никаких подарков или пособий, в чём бы они ни состояли» [там же, с. 163].

Жандармские управления были фактически независимы в сборе информации; они доносили шефу сведения о положении в губернии, минуя губернаторов. И хотя подачу подобного рода сведений официально отменили в 1871 г., традиция всё же поддерживалась. Причина живучести жандармских отчётов имеет некоторое объяснение: они в некотором роде дублировали сходный годовой отчёт губернатора и наличие альтернативного отчёта позволяло в центре при необходимости перепроверять информацию. Угроза перепроверки данных заставляла составителей отчётов стараться уловить тонкую грань — и показать свою качественную работу и в то же время не преувеличить опасность.

Впоследствии права и обязанности жандармерии расширились за счёт придания ей розыскных и следственных функций. Право производить дознания о государственных преступлениях жандармерия получила правилами 19 мая 1871 г. «О порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений». Такое дознание охватывало весь блок действий предварительного следствия: производство осмотров, выемок, освидетельствований, обысков. Особенностью было то, что в данном случае в ходе дознания обвиняемые как бы лишались правовых гарантий, предусмотренных Судебными уставами 1864 г. для предварительного следствия: права обжаловать следственные действия, знакомиться с показаниями свидетелей, знакомиться с окончанным производством. Ши-

© Сафонов Д. А., 2013

рокие права позволяли жандармам содержать под стражей без предъявления обвинения, а при недостаточности доказательств для передачи дела в суд применять меры административного воздействия (ссылку, высылку, арест на несколько месяцев, передачу лица под полицейский надзор).

Положение о негласном полицейском надзоре было издано 1 марта 1882 г. Согласно ему надзор понимался как мера «предупреждения государственных преступлений посредством наблюдения за лицами сомнительной политической благонадёжности». В каждом конкретном случае надзор осуществлялся с разрешения Департамента полиции, а несколько позже и с разрешения местных властей. Иногда Департамент сам указывал, кого взять под наблюдение. Цель надзора сводилась к проверке имеющихся сведений о вредной деятельности данного лица, а также изучению его связей. На такого человека заводился по прибытии «листок негласного надзора». Данные позже вносились в «Сводки агентурных данных» (формуляр Б). Каждые полгода давался отчёт о лицах, состоящих под надзором в пределах губернии: с кем знаком, общается, какой ведёт образ жизни и т.п. Лицо, находящееся под негласным надзором, не могло поступать на государственную службу. Через два года, если поднадзорный не вызывал подозрений, помощник начальника Управления мог ходатайствовать о снятии с него надзора.

В материалах Оренбургского ГЖУ немало дел о постановке лиц под негласный надзор. Огромное большинство их констатировало полную лояльность наблюдаемых. С одной стороны, есть основания говорить об эффективности такой системы — скажем, состав нелегальной «Оренбургской революционной группы» был определён жандармами со значительной долей вероятности в течение нескольких недель на основе внимательного изучения круга общения некоторых подозреваемых [21, с. 16]. С другой стороны, эта система надзора не всегда себя оправдывала — есть немало примеров, когда указание о постановке под надзор приходило вместе с административно высланным в Оренбургскую губернию (т.е. лицо ставилось под надзор автоматически). При этом, как правило, даже не сообщалась информация о причинах высылки — иными словами, оренбургские власти ставились перед фактом и вынуждены были надзирать, что называется, «в принципе». Немало было случаев постановки под негласный надзор лиц, в основном крестьян, обвиняемых по 103 статье Уложения о наказаниях — оскорбление императора. Анализ дел позволяет однозначно утверждать: в оскорблениях, как правило «скверноматерными» словами и в состоянии подпития, нелепо искать политический подтекст. Просто традиционно оскорбление величества считалось в России преступлением с XVI в. Число поднадзорных постоянно увеличивалось — в 1894—1900 гг. по губернии таковых было 13 человек, в 1900—1903 гг. — 168, из них 93 — по судебному приговору, 49 — по распоряжению МВД, 13 — распоряжению генерал-губернатора, 4 — распоряжению начальника Управления.

Естественен вопрос — как же осуществлялось наблюдение? Полковник ОГЖУ Н. М. Ермаковский сообщал: «Наблюдательная деятельность осуществляется в Оренбургской губернии посредством расспроса лиц, пользующихся доверием и знающих данное дело, справок в делах своей канцелярии, а где возможно, то и посредством официальных секретных запросов и разговоров о текущих явлениях и злобах дня. Других способов никаких нет. Где нет жандармских чинов, сведения о злонамерениях общего и политического характера могут получаться из сообщений чинов общей полиции, о государственных преступлениях она, хотя и поздно, но сообщает, а об общеуголовных преступлениях никогда и ни о чём. Практикуется одно средство — унтер-офицеры при объездах участков собирают сведения без разбора обо всём» [8, л. 9]. Вот почему в отчётах Оренбургского ГЖУ о положении в губернии мы встречаем сведения о видах на урожай, погодных катаклизмах и проч. [10, 12].

Вплоть до первой революции надзор производился «исключительно через непосредственных жандармских унтер-офицеров» и ограничивался наружными наблюдениями, что признавалось самими жандармами как мера недостаточная [8, л. 10]. Поскольку поднадзорные проживали по территории губернии, то и унтер-офицерам приходилось часто разъезжать. По сохранившимся данным за период 1900—1904 гг., унтер-офицерами Оренбургского ГЖУ совершено 1105 поездок — в среднем 17—18 командировок на человека в год.

Качественным рубежом в работе ОГЖУ была первая русская революция 1905—1907 гг. До этого периода работа в Управлении текла достаточно спокойно. Объём занятий Управления хорошо виден из таблицы 1.

Таблица 1

Статистика деятельности ОГЖУ за 1894—1904 гг. [8, л. 47—49; 14, л. 58—59]

	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	Итого
1	—	—	1	—	1	3	17	10	16	37	26	111
2	7	16	1	17	10	12	8	*	*	*	*	71
3	9	6	1	3	4	11	15	2	12	16	15	94
4	12	4	—	3	4	—	1	*	*	*	*	24
5	1	—	—	1	2	1	1	—	2	1	—	9
6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	29	26	3	24	21	27	42	12	30	54	41	309

Примечание. В первой графе цифрами 1—6 обозначено:

1. Число дознаний по государственным преступлениям в порядке ст. 1035 Уголовного уложения.
 2. Число дознаний, предусмотренных ст. 246—248 Уложения о наказаниях.
 3. Число отдельных следственных действий по требованию чинов других ГЖУ.
 4. Число общих преступлений, обнаруженных непосредственно жандармскими чинами.
 5. Число дознаний, произведённых по общим преступлениям по поручению чинов прокурорского надзора.
 6. Число случаев непосредственного участия в сохранении общественного спокойствия при небытии чинов исполнительной полиции.
- * — сведений нет.

Обращает на себя внимание общее малое число дел за рассматриваемое десятилетие, а также небольшое число преступлений, обнаруженных непосредственно жандармами Управления.

Отсюда перед местными жандармами стоял очень серьёзный вопрос — чем доказывать свою полезность службе. Вплоть до первой революции на первом месте стояла простая профилактика правонарушений. Проводилась выборочная перлюстрация писем, что выполняло, помимо прочего, роль своеобразного сбора «независимой» информации. Работа с «подозреваемыми» сводилась к простому наблюдению за ними, порой даже без ясной цели — очень часто центр давал указание взять кого-либо под наблюдение, не объясняя причин. Часто в эти годы занимались вопросами злоупотреблений на золотых приисках, случаями пропажи оружия и т.п. В основном наблюдали — как только срок высылки кончался, высланного тут же выдворяли прочь за пределы губернии. Справедливости ради отметим, что мало кто из них стремился здесь оставаться.

Среди основных функций ОГЖУ на рубеже XIX—XX вв. можно назвать:

- наблюдение силами штатных сотрудников за «неблагонадёжными лицами, составление политических отчётов о «состоянии умов»;
- наблюдение силами сотрудников в штатском — филёров — за интересующими ЖУ лицами, установление и разработка подозрительных;

- внедрение платных агентов в революционные кружки, подвод агентуры к подозреваемым и агентурное их освещение;
- составление списков ссыльных и подозреваемых лиц, профилактическая работа с ними;
- обыски и аресты подозреваемых, возбуждение против них судебных дел, проведение следствий по этим делам;
- обмен информацией с МВД и ЖУ других губерний, регулярное информирование местных властей;
- контрразведывательная работа; наблюдение за иностранцами, лицами, с которыми они вступают в контакт, оперативные мероприятия против тех и других.

Справедливости ради отметим, что удельный вес контрразведывательных мероприятий в деятельности ОГЖУ был невелик. Примеров таковых очень мало. Так, в августе 1904 г. некто Шакиров был обвинён в связи с японскими шпионами. Он подбивал солдат-мусульман помогать действием японским шпионам. Как выяснилось, он был завербован во время работ на Круго-Байкальской железной дороге. Кроме того, он подговаривал солдат конвойной команды нарушать присягу, допускать на охраняемые объекты посторонних, утверждая, что «русские скоро будут побеждены и должны будут поклоняться идолам, как японцы, а русский государь будет подмётка». Однако разоблачение шпиона не было заслугой Управления — он был изобличён солдатом конвойной команды, знавшим татарский язык [2]. Так и выходило, что определяющим в работе ОГЖУ была борьба с «внутренними врагами».

Вообще же, согласно инструкции, обязанности губернского жандармского управления на начало XX века формулировались следующим образом:

1. Наблюдение за местным населением и за направлением политических идей в обществе.
2. Доведение до сведения высших властей о совершающихся беспорядках и злоупотреблениях.
3. Производство дознаний по делам о государственных преступлениях.
4. Производство расследований в порядке Положения о государственной охране.
5. Осуществление негласного полицейского надзора на основании положения 1 марта 1881 г.
6. Наблюдение за лицами, проезжающими через границу.
7. Наблюдение за иностранными разведчиками.
8. Розыск и наблюдение за лицами, скрывающимися от преследования властей.
9. Обнаружение и исследование преступлений.
10. Производство дознаний по поручениям Канцелярии по принятию прошений, на высочайшее имя приходящих.
11. Участие в охранении общественного спокойствия... и содействие в восстановлении общественного порядка.
12. Выполнение поручений прокурора и его товарищей по руководству дознанием, когда это будет признано необходимым.
13. Выполнение поручений губернатора в случае особой важности.
14. Участие в заседаниях некоторых губернских присутствий.
15. Конвоирование арестованных [8, л. 2].

Проблема отношений с прокуратурой для жандармерии стояла достаточно остро. 7 июня 1904 г. введён в действие закон «О некоторых изменениях в порядке по делам о преступлениях государственных и применения к ним постановлений нового Уголовного уложения». Подполковник Серебренников (помощник начальника по Троицкому и

Верхнеуральскому уездам) признавал, причём достаточно откровенно, что раньше дознание проводилось только после предварительного негласного расследования, которое и давало необходимые улики и доказательства. А в новых условиях прокурор передаёт все поступающие к нему сообщения для формального дознания, между тем в большей части исходные сообщения — доносы и оговоры. Жандармские следователи просто не привыкли к строгому соблюдению законности, предпочитая всё делать самостоятельно. Неоднократно высказывались с мест инициативы по отстранению прокуратуры от следственных действий.

О своей работе ГЖУ только информировало губернатора и полицмейстера. Достаточно часто жандармы, особенно на местах, действовали совместно с полицией. Впрочем, имели место и ведомственные склоки: так, в 1904 г. помощник начальника в Челябинском уезде, сообщая об актах мародёрства на станции Челябинск солдат, проезжающих с Дальнего Востока, обвинял полицию в демонстративном бездействии, явном нежелании помочь жандармам в деле пресечения беспорядков [1].

Вплоть до издания в 1914 г. «Инструкции по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях» жандармам никак не преподавались конкретные способы оперативной работы. Руководство ограничивалось общими рекомендациями, авторы которых, видимо, полагали, что успех здесь зависит от личных качеств жандарма, его умения располагать к себе людей, способности оценивать факты и видеть между ними связь.

Многое в работе Управления зависело от деятельности его начальника. Согласно инструкции 1904 г. в его обязанности входило: переписка с Департаментом полиции, с начальниками управлений соседних губерний, с начальниками районных охранных отделений и прочий контроль за деятельностью чинов Управления, вербовка секретных сотрудников, пресечение беспорядков, предотвращение террористических актов, охрана Высочайших особ, проезжающих через вверенную губернию, ведение розыскной работы, анализ политического состояния губернии.

В 1907 г. Департамент полиции постановил, что «в целях объединения политического розыска в губерниях... признано необходимым установить такой порядок, чтобы общее руководство агентурой в уездах было... сосредоточено в руках либо самого начальника губернского жандармского управления, либо одного из его помощников, с освобождением последнего в таком случае от других лежащих на нём обязанностей» [11, л. 40].

Если в ходе наблюдения начальник Управления находил необходимым, то он выдавал «Ордер на обыск в квартире подозреваемого», где отмечалось, что следует искать и изымать. После составлялся протокол обыска. Если вину задержанного не доказывали, то вскоре его выпускали. В левой прессе тех лет неоднократно поднимался вопрос об использовании сотрудниками управлений в работе «провокаций». Вероятнее всего, это действительно имело место. Скорее всего, это было общей установкой: не имея возможностей привлечь виновных за их действия, власти стремились спровоцировать эксцессы, чтобы могли «сработать» соответствующие статьи Уголовного уложения.

Если попытаться проанализировать материалы следствий того времени, то бросается в глаза, что полиция если и добивалась успеха, то только тогда, когда удавалось захватить, что называется, «на месте преступления», т.е. с доказательствами — листовками и прочим. Все иные случаи задержаний в итоге кончались освобождением подозреваемых — всё следствие сводилось либо к запугиванию, либо к провоцированию.

В работе жандармы обычно использовали два метода. Первый — это когда нелегальной организации намеренно давали сплотиться вокруг уже установленного лица и затем ликвидировали, собрав таким образом доказательства виновности, необходимые для

прокуратуры. Именно так Оренбургская организация РСДРП в течение 1907—1912 гг. три раза «садилась» в полном составе. Второй — направлять удары по отдельным работникам, по возможности дискредитируя их, мешая общей работе, сплочению организаций и т.п., т.е. профилактика. По признанию генерала А. Спиридовича, «первый был более эффективен по результатам, второй более правилен по существу» [22, с. 133].

Значительное место в работе по-прежнему занимало наблюдение. И это было не по причине слабости жандармов, а исключительно результатом приказов свыше. После получения соответствующего распоряжения нужные мероприятия проводились быстро и оперативно. Впрочем, и наблюдения давали многое. Нужно учитывать слабую конспирацию подпольщиков. Так, в 1907 г. вся местная организация партии социалистов-революционеров (ПСР) была арестована после того, как в руки жандармов попала записная книжка казначея организации Цвирко. Она перед отъездом закопала её в чулане, а приходящая служанка случайно нашла и, естественно, отнесла находку в полицию. В книжке было всё — полные списки, пароли, связи по стране и т.п. [21, с. 125]. В 1909 г. Оренбургская организация РСДРП в полном составе оказалась на скамье подсудимых после того, как при обыске у члена этой организации М. Мартыновой была найдена фотография 20 человек — вся организация коллективно сфотографировалась на берегу Урала. Установить личности изображённых на снимке было делом техники. Любопытно, что каждый из арестованных утверждал, что на снимок попал случайно [3, л. 9—12].

Жандармы осуществляли надзор за легально действующими организациями и союзами, в том числе и профессиональными. Правила проведения массовых мероприятий требовали обязательного присутствия на них унтер-офицера ГЖУ. В случае недопустимых речей или действий принимались карательные меры. Так, «Профессиональное общество торговых служащих г. Оренбурга» 15 марта 1914 г. было закрыто за «уклонения от устава» — обществом было проведено два недозволённых собрания по случаю женского дня и в день памяти Т. Шевченко [13, л. 53].

Начавшаяся мировая война сделала актуальной ещё одну задачу — борьбу со шпионажем. В Оренбуржье она оказалась безрезультатной, ГЖУ не смогло похвалиться ни одним пойманным шпионом [2, 4, 5, 6]. Среди высылаемых в этот период в Оренбургскую губернию было определённое количество лиц, обвиняемых в шпионстве, как правило, это люди, чью вину доказать так и не удалось, и потому они были «оставлены в подозрении». Однако нельзя утверждать, что мероприятия в их отношении сильно разнились от обычного наблюдения. Кроме того, жандармами предпринимались меры для предупреждения дезертирства, пресечения забастовок на предприятиях с оборонными заказами.

На территорию края поступали военнопленные — их размещали преимущественно в сёлах, а также в лагере, расположенном на Меновом Дворе — постройке XVIII в. под Оренбургом. Там был создан пост из двух унтер-офицеров [9, л. 251]. В 1916 г. была раскрыта группа военнопленных, планировавших побег, во главе с неким Маттесом [20, с. 26]. С 10 августа 1914 г. была установлена цензура. В задачи жандармов входило выявление настроений корреспондентов — в отчётах особо давались обзоры писем военнопленных из России, российских военнопленных из Германии в Оренбуржье, оренбургских корреспондентов пленным в Германию.

Усиливающиеся экономические трудности в ходе войны поставили перед жандармами ещё одну задачу — как писалось в приказе: задачу «самой решительной и планомерной борьбы с взвинчиванием цен на продукты первой необходимости» [7, л. 14].

Таким образом, мы видим, что на протяжении всей своей истории жандармерия была организационной властной структурой, которая постоянно корректировала и углубляла

свои полномочия и задачи. Факт, что жандармы оказывались как бы «над законом», создавал возможности для беззаконий и злоупотреблений. Однако наличие возможностей не гарантировало эффективности деятельности. Уместно отметить, что после Октябрьской революции оренбургские чекисты переняли очень многое из методики работы ГЖУ.

Список использованных источников

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 21. Оп. 2. Д. 31.
2. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 44.
3. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 266.
4. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 502.
5. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 527.
6. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 575.
7. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 607.
8. ГАОО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 18.
9. ГАОО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 66.
10. ГАОО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 14.
11. ГАОО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 15.
12. ГАОО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 19.
13. ГАОО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 60.
14. ГАОО. Ф. 21. Оп. 6. Д. 50.
15. Ахтямов К. Ш. Формы и методы работы Оренбургского губернского жандармского управления в конце XIX — начале XX в. // Материалы XXI преподавательской и XXXIX студенческой научно-практической конференции ОГПУ. Оренбург : ОГПУ, 1997. С. 133—134.
16. Джунджузов С. В. Политический сыск на Южном Урале в годы первой российской революции: организация и методы работы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 1999. № 2(12). С. 35—56.
17. Джунджузов С. В. Оренбургская полиция и политический сыск в период революции 1905—1907 гг. // Правоохранительные органы Южного Урала: история и современность. Оренбург : УВД Оренбургской области, ОГПУ, 2000. С. 140—145.
18. История управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург : Оренбургская губерния, 2002. 345 с.
19. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. 268 с.
20. Сафонов Д. А. Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край : сб. Оренбург, 1994. С. 25—26.
21. Сафонов Д. А. Пробуждение. Революция 1905—1907 гг. и Оренбуржье. Оренбург : Оренбургская губерния, 1996. 134 с.
22. Спиридович А. И. Записки жандарма. М. : Худож. литература, 1991. 263 с.
23. Третий век на страже правопорядка: очерки истории оренбургской милиции. Оренбург : Оренбургская губерния, 2005. 416 с.

Поступила в редакцию 01.06.2013 г.

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru

UDC 94(470.56).083

D. A. Safonov

Provincial Gendarmerie: real trends and practices

The terms of reference and activities of any provincial gendarmerie were originally defined by regulations. However, in reality everything was determined by the capabilities of staff and the regional specifics. An attempt is made to determine the ways in which the gendarmes acted in reality in Orenburg on the basis of the preserved records of the Orenburg Province Gendarmerie management.

Key words: Gendarmerie, political spying, Southern Urals, areas of work.

Safonov Dmitry Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru